

Семейный портрет на пленере

«Страсть» Мозеса Пендлтона на музыку Питера Гэбриэла.

Театр танца Momix представлен артистическим агентством «Ардани»

Сезон арт. — 1995. — 2 июня. — с. 10.

Татьяна Кузнецова

у, и как вы думаете, о чем может размышлять и посредством художественных образов рассказывать людям американский интеллигент-творник, живущий в согласии с собой и остальным миром? Разумеется, о мироздании и миропорядке. О божественности живой и неживой природы, о взаимосвязи всего и вся, о человеке как части целого. О зарождении самосознания в виде мифов и религий, о взаимоперекатывании таковых, о смене материнского лона отцовской властью, культа Луны — солнечным культом. О формировании цивилизаций, искажающих естественного человека, о зле, принесенном организованном социумом, о тяжком пути познания. О необходимости вновь слиться с Космосом, питающим человека божественной энергией.

Звучит, согласна, угрожающе. Почти как антиреклама спектакля, разлитого по пятью актерами. Но Мозес Пендлтон — культурный американец, он политкорректен и демократичен. В тоне доверительных бесед, в уже знакомой пиллободусской манере (эту группу Москва успела полюбить в 92-м), ничего не навязывая, ни на чем не настаивая и вообще как бы шутя, постановщик предлагает зрителю

Режиссер и хореограф Мозес Пендлтон родился и вырос на ферме для молочного скота в штате Вермонт. Там он и начал выступать на местных ярмарках во время демонстрации коров породы Хольштейн Фризиан. Страстный любитель лыжного спорта, он выиграл гонку на длинную дистанцию на мировом первенстве 1967 года в том же штате Вермонт. В 1971 году защитил диплом по английской литературе в колледже Дармута и тогда же вместе с Джонатаном Уокеном создал Театр танца Пилоболус. После 1980 года Пендлтон осуществил несколько самостоятельных художественных проектов, среди которых — создание труппы Momix. Momix означает «смесь Мозесов», но это также и название одного из компонентов молока, которым Пендлтон поил телят, когда в детстве работал на ферме отца.

Живет в штате Коннектикут с Синтией Куин, балериной труппы, и их дочерью Куин Элизабет. Каждый день Пендлтон проплывает одну милю, записывает свои идеи и делает огромное множество фотоснимков, главным образом самого себя.

Из пресс-релиза

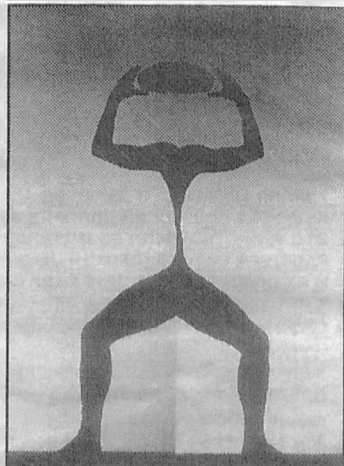
Мозес Пендлтон в Москву не приехал — в ходе регулярных медитаций он понял, что делать этого не следует

Информация с пресс-конференции

калейдоскоп многослойных ассоциаций. Семидесятипятиминутный спектакль пробегает на двадцать один музыкальный фрагмент, заполненный экзотикой старинных народных инструментов, переплетенных с новейшими достижениями электроники. На затянута прозрачным экраном зеркале сцены — проекции фотографий: увеличенные до неузнаваемости черенки, тычинки, семена подсолнуха (любимого символа Пендлтона — эмблемы животворящей Вселенной); рваные облака, сипелетные сучья, человеческие лица; египетские барельефы, истуканы с острова Пасхи, фрагменты картин высокого

Возрождения — знаки меняющихся цивилизаций. Ухищрения светотехники прогорают в экране дыру, и движущиеся по сцене люди-объекты дополняют, развивают и уточняют звукоизобразительный ряд.

Актеры ученого Мозеса — тренированные гимнасты, спальные страсти к танцу и эксперименту. Стиль Пендлтона, выросший из почти детского преклонения перед выразительностью пластики, из почти исследовательского интереса к границам физических возможностей человека, из изобретательского азарта и увлеченной интеллектуальной игры, представляет собой удивительную смесь атлетизма

и утонченности. Простейшие (или изощренные) акробатические приемы достигают самых неожиданных иллюзорных эффектов: человеческие тела оборачиваются расщепляющимся атомом, делящейся амёбой, наростом на коре дуба, распускающимся цветком, животными в случае, спиральным ходом цивилизаций, родами дева Марии, сияющим трибуналом инквизиции, ливисекторным благочинием викторианства, завершенной бесконечностью мира.

В «Страсти» не обнаружить обычных человеческих страстей: здесь нет различия полов, любви, ненависти, совсем нет эротики (несмотря на подчас полную обнаженность артистов). Отсутствуют и божественные неумолимости рока, неотвратимость судьбы, неизбежность жертвы. Пантеизм Пендлтона невозмутим и ясен; из всех страстей явлена одна — авторская страсть к познанию.